

Иван БУРАКОВ

Москва

Иван Андреевич Бураков родился в подмосковной Щербинке. В 2012 году получил учёную степень кандидат технических наук. С 2013 года читает лекции и ведёт практические занятия для студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Занимает должность доцента. Автор более пяти десятков научных статей, учебных и методических пособий. Художественные рассказы, публицистика и очерки опубликованы в журналах «Бийский вестник», «На русских просторах», «Белая скала», в альманахе «Новый Енисейский литератор», в электронной версии журнала «Чайка» (Seagull). Официальный сайт автора: dovolny.info

БА

Продолжение. Начало в «НЭЛ» №№ 1 – 2/2023

К 100-летию со дня рождения Макаренковой
(Урушенковой) Елены Михайловны

3.

Солнце встаёт над высоким берегом, над изгибом реки, над кромкой леса, заливая светом луга и село на противоположном берегу, прорезая лучами купол храма, играя бликами, словно хрустальными частичками, рассыпанными в потоке речной воды. Узкой полоской село лежит от брода вверх, на пригорок. Село носит название Нижнее Шахлово, река именуется Нарой. Рядом, чуть дальше, есть и Верхнее Шахлово, но оно сейчас нас не интересует, интересует Нижнее.

Сюда Михаил Павлович перевёз свою большую семью. Их пригласила его сестра, Татьяна Павловна, в большой дом, разделённый на две части общей перегородкой.

При входе от калитки в левой части дома жили хозяева: Татьяна Павловна, её муж да детишки их. В правую часть заселились Урушенковы: Михаил Павлович, его новая жена, тоже Пелагея (Михаил Павлович женился повторно, невесту ему сосватали, как вспоминали потом его старшие

дети, под стать Пелагее Георгиевне, оказалась очень на неё похожей, отчество только отличное — Никоноровной была), с детьми.

Свадьбу Михаил Павлович и Пелагея Никоноровна сыграли в Белом Колодезе, а потом переехали севернее, ближе к Москве, в Нижнее Шахлово.

Старшая из детей Урушенковых, Лена, в год переезда пошла в школу.

— Я была рада, что пошла учиться, — рассказывает она, всё так же облокотившись на откидные подушки тахты.

Школа высилась близ храма двухэтажным зданием, как модница, позволяя любоваться селу, жителям и солнцу своим фасадом. Здесь же стоял отдельно магазин.

По понятным причинам брод в округе пользовался особой популярностью, и вскоре рядом был установлен деревянный мост, правда, регулярно сносимый течением реки в половодье.

Участвовала старшая из молодой поросли Урушенковых в программе ликвидации безграмотности:

— Бабушки плакали — учиться было трудно. Говорили: «Деточки, куда же нам, уже старым, учиться?» — но продолжали усердно заниматься.

Вся страна в те годы была поглощена образованием. Знания впитывали и стар и млад. Понимали: без знаний нет будущего.

На мой выпускной в девятом классе бабушка написала четверостишие: «На поляне перед школой ученик стоит. / „Ты прости, родная школа, — тихо говорит. — / Я тоскую, вспоминаю, ведь тебе обязан всем. / Ах, как трудно расстаться с детством мне совсем“».

— Прочти на вручении аттестата.

Я, естественно, постеснялся это сделать.

Те, кто учился в девяностые и начале двухтысячных, прекрасно представляют, какой это был бы «залёт». Это было бы «залётом» даже у нас в лицее, там, где хорошая учёба не считалась зазорной, но считалась единственным

способом «выжить», удержаться в стенах образовательного учреждения.

Нам было их уже не понять, той любви, которую они питали к учёбе, и той благодарности за возможность учиться, взлететь до самых высот, несмотря на твоё происхождение и состояние кармана. Возможность, которую дала им страна. Останется ли эта возможность будущим поколениям? Про наших внуков не говорю — хотя бы нашим детям останется? В пустоту будто вопрошаешь, а ответа не получаешь. Останется?

4.

Девятое мая 1992 года. Мне ещё год до школы ждать, а сестра моя старшая первый класс заканчивает. Советские традиции пока живы, да и нет мыслей им стираться.

Первоклашки во главе с их учительницей Марией Поликарповной дружно отправляются в близлежащую деревню, что Щербинкой зовётся, возлагать цветы к обелиску Победы, читать праздничные стихотворения.

Я тоже усердно учу строчки, что бабушка написала: «Посреди деревни нашей обелиск стоит, / И под этим обелиском наш солдат лежит. / Обещанья не даю, я ещё ведь мал, / Но тебе секрет скажу: я б сражаться стал».

Это первое четверостишие, что написала она на моей памяти. Первое, по моему скромному мнению, стало лучшим из всех.

— Пойдёшь с сестрой, прочтёшь у обелиска.

Я с восторгом готовился, учил, знал назубок эти четыре строчки.

У обелиска, на площадке, что была взята в окружение молодыми ёлочками, Мария Поликарповна расставила детей и родителей строгой буквой «П». Будто по линейке расставляла. Затем она ещё раз проверила, все ли помнят очерёдность выступлений: кто за кем читает свои стихотворения, говорит слово.

— А Ваня? — подала голос моя сестра, когда учительница попыталась про меня не вспомнить.

— Да, ещё малыши у нас. Забыла, — повинилась Мария Поликарповна. — Где твой брат?

— Вот он, вот, — помогали учительнице и Лене, моей сестре, дети.

— Помнишь своё стихотворение? — задала вопрос Мария Поликарповна, оказавшись возле меня.

— Да, — сильно смущаясь, кивнул я в ответ.

— Прочти.

— «Посреди деревни нашей...» — начал я неуверенно, сильно нервничая, а дальше запнулся.

— Хорошо, — подбадривала учительница, — продолжай.

Я ещё чуть-чуть помялся, а потом выдавил из себя:

— Я слово забыл...

— Какое? Что оно обозначает?

— Не знаю, — искренне пожал я плечами, — такое... смешное.

Ничего смешного не было ни в слове, ни дальше.

— Как прочёл? — поинтересовалась бабушка, когда мы с Леной и мамой явились обратно домой.

— Он не читал... слова забыл, — доложила бабушке моя сестра.

«Прости, ба, мне стыдно до сих пор».

Я помню, как она потом, спустя несколько лет, плакала, когда ветеранов пригласили на концерт в нашу школу и мы, школьники младших классов, читали им стихи.

— Вань, твоя бабушка какая-то невыдержанная, — заявил мне кто-то из девчонок нашего класса, увидев её слёзы во время действия на сцене.

— Ба, ты почему плакала? — спрашивал я у неё по дороге домой.

— Вы же дети, — только и смогла выдавить бабушка из себя.

Продолжение следует